

1 ноября 2001 г.

Иногда Лия испытывала большое сочувствие к серийным убийцам и диктаторам-геноцидникам, особенно когда становилась свидетелем самой отвратительной человеческой глупости.

В самом деле, оставить ребенка на полочке, без люльки, посреди ноябрьской ночи? Неужели так трудно было прийти днем, позвонить в звонок и объяснить все лично, а не думать, что достаточно письма?

Это было уже не гротескно, а трагично.

Поэтому, скривив рот в гримасе, она отправилась за маленьким мальчиком, который крепко спал. Прекрасно, теперь оставалось только надеяться, что путешествие не разбудит его.

Лия вдохнула и прыгнула в ближайшую тень. Холод охватил ее, обжигая все открытые участки кожи до такой степени, что ей показалось, будто ее сжигают заживо. Через пять секунд ощущение исчезло, но она все равно влетела в гостиную своей маленькой квартиры, дрожащая и с потрескавшимися губами.

Ребенок на ее руках застонал, но, к счастью, не открыл глаз. Она машинально погладила его по лбу и нахмурила брови, когда ее длинные бледные пальцы коснулись шрама от молнии.

Она ни за что не допустит, чтобы в голове ее племянника поселился осколок души. Тем более такой душе: от растрепанной чешуйки отвратительно пахло недобросовестностью и коррупцией. Как могли смертные пропустить такую грязь? Неужели они даже не удосужились осмотреть малыша после того испытания, через которое он только что прошел?

Как это ни печально, но гипотеза была более чем вероятна. Мидгарды действительно не отличались высоким интеллектуальным уровнем, несмотря на редкие исключения.

"Ну что ж, приступим к работе, - вздохнула Лия и удобно устроилась на диване, положив средний и указательный пальцы левой руки на распухший красный шрам.

Задача была столь же отвратительной, сколь и утомительной: инстинктивно чувствуя свою неспособность выжить вне хозяина, лоскут изо всех сил царапал душу ребенка, и девушке пришлось приложить всю свою изобретательность, чтобы не дать ему оставить неизгладимые следы на сущности младенца. Когда все было убрано, было уже три часа ночи, у Лии под глазами были темные круги, а ее рука и лоб ребенка были измазаны черной патокой с тонким ароматом гниющей туши.

Лия была совершенно обессилена, у нее едва хватило сил пошевелить пальцем, чтобы счистить с себя этот мусор, и только после этого она погрузилась в бессознательное состояние, а ребенок лежал у нее на груди.

"Мама! МА-МА!"

Ничто так не отвлекает от сладкого царства радужных пони, как пятнадцатимесячный ребёнок, кричащий вам в ухо.

"И тебе доброго утра", - проворчала Лия, мучительно разлепляя веки и не выпуская из рук корчащегося карапуза.

"Хочу к маме!" - настаивал малыш, его пухлое личико украшала гримаса, способная растопить самую сухую вдовствующую особу.

Ну, деликатность. И доброту.

"Мамы нет", - объявила Лия своим самым приятным голосом. "Она легла спать, помнишь?"

Мальчик моргнул.

"Мистер Блэк", - наконец осторожно произнес он. "Мистер пошел ха-ха-ха, а мама легла спать?"

"Да, именно так. А поскольку твоя мама спит, я буду за тобой присматривать. Тетя Лия. ХОРОШО?"

Малыш внимательно посмотрел на нее, затем протянул пухлую руку, чтобы взять ее за воротник рубашки.

"Tie Lee," he said. "Ти-ли. Тилли-няня? Как Памо, Нанар и Вер?"

"Да, именно так", - подтвердила она с небольшой улыбкой.

Ответ, видимо, удовлетворил малыша, который фыркнул.

"Хоуви хочет яиц. И клубничный сок".

"Яйца и клубничный сок? Очень хорошо, Джонни.

"Не Джонни", - усмехнулся мальчик. "Я Хоуви!"

Лия подмигнула ему.

"Это игра, мой кот. Теперь тебя зовут Джонни. Если ты скажешь, что это Гарри, ты проиграл. ХОРОШО?"

Ребенок крепко задумался на три секунды, а затем широко улыбнулся, обнажив молочные зубы.

"Хорошо!"

Когда Джонни наелся, умылся - ради Бога, она не могла дождаться, когда он сможет есть, не испачкав себя и мебель, - и устроился на ковре с несколькими плюшевыми игрушками и деревянными блоками, спасёнными из Годриковой впадины, Лия наконец-то смогла сесть на диван и вскрыть письмо, запечатанное красным сургучом, извлекая на свет рулон пергамента, исписанный пером - куда уж средневековее?

Миссис Петунии Дурсли, урождённой Эванс

С глубочайшим сожалением я вынужден сообщить Вам об убийстве Вашей сестры Лили и ее мужа Джеймса Поттера от рук безумца, который вот уже почти двадцать лет терзает волшебную страну. Однако жертва любви Вашей сестры обеспечила выживание ее маленького сына Гарри за счет убийцы.

Благодаря этой жертве Гарри будет защищён от любого враждебного ему волшебника до тех пор, пока он живёт с человеком, в котором течёт кровь его матери, в данном случае с Вами, миссис Дурсли. Защита была установлена, как только вы взяли его под свою крышу, и не будет снята до тех пор, пока ему не исполнится семнадцать лет. Если он исчезнет из вашего дома, будьте уверены, что команда наших лучших агентов будет направлена, чтобы вернуть его вам как можно скорее.

Как, я уверен, сообщила вам ваша сестра, Гарри должен поступить в Хогвартс-колледж, где он уже зарегистрирован, как только ему исполнится одиннадцать лет. До этого времени Вас не будет беспокоить никто из нашего общества, что дает Вам полную возможность воспитывать племянника без помех.

Искренне Ваш и т.д,

Альбус Дамблдор, директор колледжа Хогвартс

Если бы мальчика не было рядом, Лия достала бы из своего тайника самую крепкую бутылку спиртного и опустошила бы её одним глотком. О чём, чёрт возьми, думал этот старый ублюдок?

Если магия крови и классифицировалась как черная магия, то только по той причине, что малейший недостаток в ее использовании мог взорваться в лицо с такой же силой, как Нагасаки и Хиросима вместе взятые. А этот тупой ублюдок использовал её таким образом, что если бы его план сработал, Джонни в итоге был бы мёртв, искалечен или полностью

психически уничтожен.

Принуждение Петунии Дурслей принять малыша под свою крышу вместо того, чтобы позволить ей взять его к себе по собственной воле, повлияло бы на заклинание, и не в лучшую сторону: ритуалы были несовершенны и неэффективны, если участники не вкладывали в них душу и сердце. В таких условиях эффективность защиты снизилась бы как минимум вдвое.

Конечно, тот факт, что великий дурак предпочёл поставить женщину к стенке, а не предоставить ей право выбора, многое говорил о том, какие отношения связывали Петунию Дурслей с покойной Лили Поттер: враждебность и обида, чувства, слишком часто встречающиеся в земных семьях, где появился волшебный ребёнок.

Чувства, которыми магия крови питается легче, чем любовью, и которые превратили бы защиту в тюрьму, опекуна - в мучителя, безопасность - в мучение. Ради Ймира, эльфы использовали этот ритуал как пытку для своих самых закоренелых преступников!

И, наконец, самое главное: защита сработала бы только в том случае, если бы Джонни действительно был родственником Дурслей, а этого, конечно же, не было, и старый пердун знал бы об этом, если бы только потрудился обратиться к немагическим записям!

Да, иногда Лия действительно чувствовала себя на одной волне с убийцами-психопатами. Такая глупость требовала эвтаназии, и все присяжные мира не только поздравили бы ее, но и наградили бы медалью размером с суповую тарелку.

Взрыв смеха заставил ее поднять глаза: маленький мальчик забавлялся тем, что заставлял танцевать своего плюшевого мишку, точнее, совершал с ним спазматические, беспорядочные движения, не прикасаясь к нему. Она почувствовала, что ее гнев тает, как снег на солнце, от его потребности глупо ворковать.

Нация, способная породить таких идиотов, не заслуживала такого ребенка, это было очевидно. Что ж, когда они захотят послать ему приглашение в Хогсмид, их ждёт неприятный сюрприз: ребёнка там не будет. И сколько бы они ни бегали, как безголовые курицы, им никогда не найти своего драгоценного Выжившего, своего ребенка-героя.

В конце концов, кто из этих соленых огурцов уловит связь между Гарри Поттером, сиротой, прославившимся тем, что не умер вопреки здравому смыслу, и Джоном Старком, наследником одного из самых больших немагических состояний в мире?

<http://tl.rulate.ru/book/93478/3111042>